II Д б
Г-29.
29.

26042
Г—29
III
МОРСКОЙ АКАДЕМІИ
Шкафъ 6 80
Полка 1
№ 570

П. А. Гейсманъ.

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ.

ПО ПОВОДУ СОЧИНЕНІЯ

П. АЛАБИНА:

ЧЕТЫРЕ ВОЙНЫ.

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

ВЪ

1849, 1853, 1854—56 и 1877—78 ГОДАХЪ.

ЧАСТЬ III.

ЗАЩИТА СЕВАСТОПОЛЯ (1854—1856).

2
Об 111229
Инв. 1943

„...... Имя Севастополя, столь многими страданіями купившаго себѣ безсмертную славу и имена защитниковъ его пребудутъ въ памяти и сердцахъ Русскихъ......“

Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II.

(ВЪ ПРИКАЗѢ РОССІЙСКИМЪ АРМІЯМЪ 30 АВГУСТА 1855 ГОДА).

ЦѢНА БРОШЮРЫ 30 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій просп., № 12.
1893.

ВМА

Дозволено цензурою. Спб., 20 октября 1893 г.

1951

7727 Фунд.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Если сравнить рецензіи о различныхъ сочиненіяхъ военнаго содержанія, появляющіяся на страницахъ соотвѣтствующихъ періодическихъ изданій, нашихъ и иностранныхъ, то можно вывести заключенія, клонящіяся въ большей или меньшей степени къ невыгодѣ первыхъ и наоборотъ болѣе или менѣе лестныя для вторыхъ.

Не задаваясь цѣлью выяснить всѣ причины этого грустнаго явленія, я считаю долгомъ остановиться лишь на одной изъ нихъ. Редакціи періодическихъ изданій предъявляютъ составителямъ рецензій разныя требованія, въ ряду которыхъ главное значеніе принадлежитъ *краткости*, при чемъ нерѣдко указываются и размѣры рецензіи: въ 1 столбецъ, въ 1/2 столбца изданія и т. п. Безъ сомнѣнія, краткость представляетъ весьма цѣнное достоинство, которое однако теряетъ свое значеніе въ томъ случаѣ, если рука объ руку съ нимъ идетъ *безсодержательность* рецензіи. Къ сожалѣнію, это упускается изъ виду редакціями въ большей части случаевъ.

При такихъ условіяхъ даже тѣ рецензенты, которые желали бы исполнить предлагаемыя имъ задачи вполнѣ добросовѣстно, лишаются возможности дать такіе отзывы о разсматриваемыхъ ими сочиненіяхъ, изъ которыхъ читатели могли бы вынести что-либо существенное. Слѣдствіемъ этого является формальное отношеніе къ дѣлу, дающее въ результатѣ шаблонныя рецензіи, не произво-

дящія на читателей никакого впечатлѣнія или даже наводящія на нихъ скуку и вызывающія равнодушіе къ дѣлу, которымъ они, при другихъ условіяхъ, могли бы интересоваться.

Подобное положеніе дѣлъ и является причиною выхода въ свѣтъ настоящей брошюры-рецензіи, ибо послѣдовавшее со стороны одной изъ редакцій предложеніе сократить ее до размѣровъ «одного столбца» было признано неудобнымъ и не вызывавшимся необходимостью, тѣмъ болѣе что рецензія была написана по предложенію редакціи. Такимъ образомъ превращеніе этой рецензіи въ брошюру является протестомъ противъ давленія, производимаго редакціею на лицо, коему она же предлагаетъ дать отзывъ, въ ущербъ общему дѣлу, пользѣ всего читающаго русскаго военнаго общества. Быть можетъ, эта вынужденная попытка навести читателей на размышленія по данному вопросу и принесетъ въ будущемъ какіе-либо плоды въ смыслѣ предъявленія періодическимъ изданіямъ требованія установить хотя бы до нѣкоторой степени равновѣсіе между умственными потребностями читателей съ одной стороны и эгоистическими соображеніями редакцій съ другой!

Составитель.

ЧЕТЫРЕ ВОЙНЫ.

Походныя записки въ 1849, 1853, 1854—56 и 1877—78 годахъ. Соч. *П. Алабина.* Москва. 1892. Часть III. *Защита Севастополя.* (1854 — 1856). Съ приложеніями. 788 стр. Цѣна III части 4 рубля.

> «...... *Имя Севастополя, столь многими страданіями купившаго себѣ безсмертную славу, и имена защитниковъ его пребудутъ въ памяти и сердцахъ всѣхъ Русскихъ.* ......»
>
> ***Императоръ Александръ II.***
>
> (Въ приказѣ Россійскимъ арміямъ 30 августа 1855 года).

Изъ трудовъ г. *П. Алабина*, появившихся въ печати, первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, его походнымъ запискамъ, обнимающимъ три войны, начиная съ венгерской и кончая послѣднею русско-турецкою. Авторъ считаетъ четыре войны, такъ какъ въ его запискахъ дунайская кампанія 1853—54 гг. отдѣлена отъ крымской кампаніи 1854—1856 гг. Это раздѣленіе не лишено основанія, ибо восточная война 1853—56 гг., занимая по времени среднее мѣсто между венгерскою и послѣднею русско-турецкою войнами, дѣйствительно распадается на двѣ совершенно отдѣльныя части, взаимная комбинація которыхъ только и можетъ быть выяснена отно-

шеніями Россіи къ разнымъ членамъ «европейскаго концерта», въ особенности же къ Австріи 1849 года и къ Австро-Венгріи 1877—78 годовъ. Дунайская кампанія 1853—1854 гг. представляетъ такую-же наступательную войну по отношенію къ Турціи, какую мы вели до того уже много разъ, иногда даже въ союзѣ съ Австріею, не замѣчая или не желая замѣтить, что этотъ нашъ союзникъ, въ сущности, является болѣе опаснымъ нашимъ же врагомъ, чѣмъ сама Турція [1]). 1853—1854 года представляютъ наилучшее тому доказательство, ибо въ это то именно время, вслѣдствіе недоброжелательнаго вмѣшательства Австріи, мы сочли себя вынужденными не только отвести наши войска на лѣвый берегъ Дуная, но и очистить дунайскія княжества, что, въ свою очередь, имѣло слѣдствіемъ для насъ переходъ отъ войны наступательной къ войнѣ оборонительной, а враждебной намъ коалиціи дало возможность предпринять высадку въ Крыму, а затѣмъ операціи противъ Севастополя.

Третья часть записокъ г. Алабина, состоявшаго въ описываемое имъ время на службѣ въ штабѣ 11-й пѣхотной дивизіи, начинается вступленіемъ изъ Молдавіи въ предѣлы Россіи у Скулянъ 7-го сентября 1854 года. 14-го сентября въ этой части дунайской арміи было извѣстно о высадкѣ 4,000 непріятельскихъ войскъ у Евпаторіи.

«Горчаковъ, собственною властью, не ожидая распоряженій свыше, послалъ на помощь Меньшикову бригаду уланъ и 12-ю пѣхотную дивизію, которая просто, что называется, *бѣгомъ побѣжала* въ Крымъ» (стр. 3). Въ войскахъ нашихъ господствовало отличное настроеніе и полная готовность сразиться съ врагомъ, дабы выгнать его изъ предѣловъ отечества. «Но, говоритъ авторъ, вотъ что насъ пугаетъ: нѣтъ у

---

[1]) Въ настоящее время отношенія между державами на столько измѣнились, что можно уже допустить въ будущемъ возможность союза Россіи съ Турціею противъ Австріи, стремящейся къ захвату разныхъ балканскихъ земель.

насъ начальниковъ и вождей, въ которыхъ бы мы вѣровали и на которыхъ надѣялись бы въ настоящія трудныя времена, какъ на каменную гору. Къ Паскевичу армія относится какъ-то съ формальной стороны; видитъ въ немъ начальника, приказы котораго она должна исполнять и распоряженіямъ котораго должна подчиняться, и только; но не видитъ въ немъ близкаго къ себѣ излюбленнаго вождя, одно слово котораго зажигало бы кровь каждаго и заставляло устремляться хотя бы въ пропасть, даже не замѣчая смертной опасности!»

«Затѣмъ князь М. Д. Горчаковъ. Его нерѣшительность, какая-то порывчатость, непослѣдовательность—всѣмъ извѣстны. Его чрезвычайная разсѣянность сдѣлалась притчей во языцѣхъ. Его маршей и контръ-маршей боятся, какъ мучительнаго огня».

«Коцебу терпѣть не могутъ» [1]).

«Въ главномъ штабѣ не видятъ ни одного выдающагося лица, на котораго возлагали бы свои упованія» [2]).

«Изъ армейскихъ генераловъ знаютъ только одного Хрулева, про него только и говорятъ» (стр. 5).

«*Vox populi vox Dei*» [3]), гласитъ латинская поговорка. На этотъ разъ она оказывается довольно вѣрною. Недостатокъ высшихъ начальниковъ, находящихся на высотѣ своего назначенія, и недостаточная подготовка начальниковъ вообще въ отношеніи хотя бы только тактическомъ, въ смыслѣ умѣнья примѣниться къ вѣчно измѣняющейся обстановкѣ, какъ послѣдствія недостатковъ мирной системы воспитанія, образованія и боевой подготовки войскъ съ ихъ начальниками во главѣ, вотъ главныя причины неуспѣшныхъ дѣйствій нашихъ войскъ въ эту войну. Это заключеніе не новость: оно вы-

---

[1]) Не взирая на свои положительныя качества, Коцебу обладалъ болѣе, чѣмъ достаточными данными для того, чтобы внушать нелюбовь къ себѣ войскамъ, въ особенности русскимъ.

[2]) Если бы даже и были талантливыя лица, то подъ начальствомъ князя Меньшикова они принесли бы весьма мало пользы.

[3]) «Гласъ народа Божій гласъ!»

сказывается и въ нѣкоторыхъ нашихъ военныхъ сочиненіяхъ, только не столь категорически, въ особенности если принять во вниманіе, что въ числѣ важнѣйшихъ причинъ нашихъ неудачъ оказывается почти всегда наша *отсталость въ вооруженіи*; въ нашемъ же военномъ обществѣ уже безусловно преобладаетъ убѣжденіе, что превосходство вооруженія союзниковъ и было главною причиною ихъ успѣховъ. Подобныя же разсужденія приводятъ къ выводамъ, что превосходство вооруженія турокъ надъ нашимъ было также главною причиною первоначальныхъ нашихъ неудачъ въ кампанію 1877 года и т. п. Подкрѣпленная подобными выводами философія провозглашаетъ, что превосходство вооруженія теперь рѣшаетъ дѣло и для доказательства въ пользу новѣйшихъ ружей съ малодымнымъ порохомъ, ссылается, за неимѣніемъ лучшихъ примѣровъ, на чилійскую междоусобную войну, хотя, при надлежащемъ изученіи, эта кампанія подобныхъ доказательствъ не представляетъ.

Нисколько не отрицая значенія *оружія*, мы полагаемъ, что главное, выдающееся мѣсто принадлежало, принадлежитъ и будетъ всегда принадлежать *человѣку*, въ рукахъ котораго это оружіе находится. Но въ такомъ случаѣ не вступаемъ ли мы на путь, приводящій къ культу *числа*? Численность войскъ, безъ сомнѣнія, является факторомъ весьма важнымъ; но къ этому положенію имѣется поправка, сводящаяся къ правильному пониманію установленнаго исторіею военнаго искусства *начала сосредоточенія превосходныхъ силъ* къ рѣшительному пункту въ рѣшительную минуту, въ силу котораго понятіе о сосредоточеніи силъ должно быть достаточно широко и превосходными могутъ быть силы, имѣющія перевѣсъ надъ противникомъ не только въ *численномъ*, но и въ *качественномъ* и даже просто въ одномъ только качественномъ отношеніи.

Наконецъ, сопоставляя элементы *духовный* (моральный) и *матеріальный* и понимая первый опять таки въ широкомъ

смыслѣ, нельзя не согласиться съ Наполеономъ, что успѣхъ на войнѣ зависитъ въ несравненно большей степени отъ перваго, чѣмъ отъ втораго.

Взаимное соотношеніе всѣхъ этихъ факторовъ можетъ выясниться при чтеніи трудовъ подобныхъ походнымъ запискамъ г. Алабина, обрисовывающимъ чрезвычайно рельефно и правдоподобно бытовую сторону организованныхъ человѣческихъ массъ, называемыхъ войсками, а равно и характеры и жизнь болѣе замѣчательныхъ единицъ, являющихся героями въ грандіозной и безсмертной эпопеѣ, извѣстной въ новѣйшей исторіи подъ названіемъ «*обороны Севастополя*».

16-го сентября 11-я дивизія двигается къ Одессѣ, получая на пути разныя свѣдѣнія о сраженіи на Альмѣ. Г. Алабинъ посвящаетъ немало старанія, желая выяснить, на сколько это возможно, ходъ этого сраженія и причины постигшей насъ неудачи, при чемъ относится критически къ нѣкоторымъ сочиненіямъ, авторы коихъ описываютъ это же сраженіе, въ томъ числѣ и къ «Военно-Историческому очерку Крымской Экспедиціи» капитана *Аничкова* [1]), находя преждевременнымъ помѣщеніе этого очерка въ Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ, такъ какъ описаніе это представляетъ «много загадочнаго и недоговореннаго, неразъясненнаго и невѣрнаго». Между прочимъ г. Алабинъ останавливается подробно на вопросѣ о томъ, было ли причиною Алминской неудачи то обстоятельство, что французы взобрались безпрепятственно (безъ выстрѣла) на *высоты лѣваго фланга* нашей позиціи, считавшіяся неприступными, неукрѣпленныя и слабо обороняемыя, и хотя не высказываетъ категорически, но выясняетъ болѣе, чѣмъ достаточно, что главнымъ виновникомъ потери этого сраженія былъ самъ главнокомандующій, князь Меньшиковъ, который однако, въ донесеніи Императору Николаю I, взялъ на себя тяжкій грѣхъ, выставивъ при-

[1]) См. прибавленіе къ тому IX Военно-Энциклопедическаго Лексикона.

чиною неудачи—*малодушіе* нашихъ *войскъ* и ихъ *недостаточную стойкость* (стр. 14). По полученіи этого донесенія Императоръ писалъ князю М. Горчакову: «...больно мнѣ, что причиной (погрома) поставляется *малодушіе войскъ*! Непонятно для меня, зная, какъ хороши были и по общему слуху и донесеніямъ самого князя, какой духъ ими господствовалъ...» (стр. 15). Итакъ Государь, по прочтеніи этой возмутительной клеветы на хорошо Ему извѣстныя войска, не хотѣлъ ей вѣрить, а спустя нѣкоторое время вполнѣ уразумѣлъ истину и приписалъ Алминское пораженіе «*дурному распоряженію войсками*» [1]).

Въ числѣ отзывовъ участниковъ сраженія, приводимыхъ г. Алабинымъ, имѣется и указаніе на то, что князь П. Д. Горчаковъ и генеральнаго штаба капитанъ Жолобовъ совѣтовали князю Меньшикову укрѣпить лѣвый флангъ, но Свѣтлѣйшій не послушалъ, а обратился за совѣтомъ къ квартирмейстеру 14-й пѣхотной дивизіи, подполковнику Залѣсскому, поляку и самохвалу [2]), который увѣрилъ князя, что въ возведеніи предлагаемыхъ укрѣпленій нѣтъ ни малѣйшей нужды, по естественной неприступности этой позиціи (стр. 7).

На сколько вѣрны эти показанія, судить трудно; но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что князь Меньшиковъ никакой диспозиціи для боя не отдалъ, а войска разставлялись однимъ офицеромъ генеральнаго штаба, по личнымъ указаніямъ самого князя, который въ это время не имѣлъ еще штаба для управленія ввѣренною ему арміею и всѣ распоряженія дѣлалъ самъ, черезъ случайно бывшихъ у него подъ рукою офицеровъ и личныхъ адъютантовъ. При такихъ условіяхъ и проявилось то «*дурное распоряженіе*

---

1) См. «*Обзоръ войнъ Россіи*», сост. подъ ред. генералъ-лейтенанта *Лера*, ч. III, кн. I (Спб. 1889), стр. 240, выноска.

2) То, что Залѣсскій былъ «полякъ», едва ли имѣло значеніе. Гораздо важнѣе было то, что онъ былъ «самохвалъ». Князь Меньшиковъ не могъ не знать перваго; но жаль, что онъ не понималъ втораго.

войсками», о которомъ говорилъ Императоръ Николай, а равно и то «*отсутствіе взаимной связи въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ*», которое было одною изъ главныхъ причинъ неудачи, по мнѣнію генераловъ Богдановича и Дубровина [1]).

Нельзя согласиться съ г. Алабинымъ лишь въ томъ, что только будущій историкъ можетъ взвѣсить и оцѣнить всѣ фазы Алминскаго сраженія: это возможно и теперь при достаточномъ знакомствѣ съ военною литературою и особенно съ трудами, указанными въ выноскахъ, а равно и съ записками самого же г. Алабина.

На стр. 27, между прочимъ, сказано: «На вопросъ императора Наполеона III, могъ ли Севастополь быть взятъ съ сѣверной стороны, Э. И. Тотлебенъ отвѣтилъ, что укрѣпленія сѣверной имѣли слабую профиль, были не сильно вооружены и занимались однимъ баталіономъ пѣхоты, поддержаннымъ 12-ю баталіонами только что сформированныхъ и дурно вооруженныхъ экипажей, а потому еслибы послѣ Алминскаго дѣла союзники безостановочно продолжали наступленіе, то штурмъ былъ бы успѣшенъ». Нельзя не согласиться съ этимъ мнѣніемъ знаменитаго инженера, составлявшаго планъ подготовки сѣверной стороны къ оборонѣ, ибо хотя, благодаря искуснымъ его распоряженіямъ и необыкновеннымъ трудамъ рабочихъ, до прихода союзниковъ къ Бельбеку и была уже подготовлена позиція, имѣвшая на фронтѣ въ $1^1/_2$ версты 29 орудій большаго калибра, но гарнизонъ сѣверной стороны состоялъ только изъ 11,000 человѣкъ, почти исключительно моряковъ, вооруженныхъ однимъ только абордажнымъ оружіемъ, тогда какъ союзники располагали

[1]) См. сочиненія обоихъ генераловъ о восточной войнѣ 1853—56 гг. Послѣдній изъ нихъ, между прочимъ, говоритъ: «Эта причина (отсутствіе взаимной связи въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ) главнѣйшимъ образомъ происходила отъ отсутствія всякихъ предварительныхъ распоряженій, отчего не только войска, но и главные начальники оставались въ полномъ невѣдѣніи относительно предстоявшихъ дѣйствій. ...Въ арміи царствовала полнѣйшая безурядица»... (Стр. 92—93, Алабинъ, стр. 15).

впятеро превосходными силами, были отлично вооружены и воодушевлены только что одержанною побѣдою и могли еще опираться на содѣйствіе артиллеріи своихъ флотовъ. Къ тому же паденіе сѣверной стороны приводило къ неминуемому паденію и самого Севастополя.

Итакъ все говорило въ пользу штурма сѣверной открытою силою; но союзники на это не рѣшились. Г. Алабинъ полагаетъ, что если бы этотъ штурмъ стоилъ имъ даже и такихъ потерь, какія они понесли въ день взятія Севастополя, то они сберегли бы все, что потеряли въ людяхъ, деньгахъ и матеріалахъ съ Алминскаго сраженія по 27-е августа 1855 года; однако при этомъ онъ замѣчаетъ, что взятіемъ сѣверной союзники никакихъ благопріятныхъ результатовъ не получали съ того момента, какъ мы затопили наши суда, преградивъ тѣмъ союзному флоту входъ на рейдъ; атаковать сѣверную одними сухопутными войсками не было цѣли, такъ какъ подъ огнемъ нашего флота союзники не могли бы удержаться на сѣверной, а тѣмъ болѣе не могли бы надѣяться одной полевой артиллеріей уничтожить нашъ флотъ въ бухтѣ; между тѣмъ, становясь тыломъ [1]) ко всей Россіи, они теряли операціонную базу [2]) и оставались бы безъ продовольствія въ ежеминутномъ опасеніи, что русская армія можетъ прервать ихъ сообщенія съ Евпаторіей и флотомъ, поставивъ ихъ между двухъ огней; союзникамъ было безусловно необходимо обезпечить свой тылъ; на этомъ основаніи ихъ главнокомандующіе положили обойти Севастопольскій рейдъ, овладѣть Балаклавой и атаковать городъ съ южной стороны. Это оправданіе образа дѣйствій союзниковъ введено г. Алабинымъ въ позднѣйшемъ прибавленіи (въ выноскѣ къ стр. 26—28); въ

---

[1]) Не вполнѣ «тыломъ», такъ какъ при этомъ получился бы уголъ не въ 180°, но между 180° и 90°.

[2]) Если г. Алабинъ полагаетъ, что у нихъ база была, то они могли ее обезпечить и не должны были ее терять; если же ея еще не было, то она не могла быть потеряна. Мысль г. Алабина выражена имъ не вполнѣ удачно.

первоначальномъ же текстѣ записокъ онъ склоняется скорѣе въ пользу противоположнаго мнѣнія, которое, пожалуй, болѣе отвѣчаетъ дѣйствительности, ибо, отдавая полную справедливость геройской доблести и прекраснымъ боевымъ качествамъ нашего тогдашняго черноморскаго флота, нельзя не признать, что положеніе его на Севастопольскомъ рейдѣ, послѣ загражденія онаго, было несравненно затруднительнѣе, чѣмъ положеніе греческаго флота передъ Саламинскимъ сраженіемъ. Если бы союзники наступали къ Севастополю, не теряя времени, послѣ Алминской побѣды и утвердились на высотахъ къ югу отъ нижняго Бельбека, командующихъ надъ рейдомъ, то бой, который произошелъ бы въ этомъ случаѣ, привелъ бы ихъ неминуемо къ новой побѣдѣ и къ овладѣнію Севастополемъ, при чемъ геройство нашего флота не могло бы предотвратить этого исхода, а увеличило бы только затрудненія, которыя пришлось бы преодолѣть союзникамъ; князь Меньшиковъ, потерявшій вѣру въ свои войска и не находившійся на высотѣ своего назначенія, во всякомъ случаѣ отступилъ бы въ направленіи къ Бахчисараю, тѣмъ болѣе что союзники располагали силами вполнѣ достаточными для того, чтобы прервать сообщенія Севастополя съ Россіею. Когда такимъ образомъ Севастополь очутился бы въ рукахъ союзниковъ, никто не мѣшалъ бы имъ перемѣнить операціонную линію и устроить хотя бы такую же базу, какая была ими устроена во время осады Севастополя, при чемъ они, въ худшемъ случаѣ, сразу очутились бы въ такомъ же положеніи, какого они достигли лишь послѣ штурма 27 августа 1855 года. Но двойственность командованія союзною арміею и отсутствіе стратегическаго искусства у союзныхъ главнокомандующихъ, коимъ обстановка представлялась довольно неясно, имѣли слѣдствіями остановку на Альмѣ, отсутствіе эксплоатаціи побѣды и вообще отсутствіе энергіи въ веденіи операціи, а затѣмъ рѣшеніе отказаться отъ атаки сѣвернаго укрѣпленія открытою силою, обойти Севастополь фланговымъ

маршемъ и предпринять атаку этого города съ южной стороны. Самый фланговый маршъ ихъ 13-го сентября къ хутору Мекензи и далѣе къ р. Черной былъ произведенъ крайне неудовлетворительно: дорога была предоставлена артиллеріи и кавалеріи, а пѣхота шла по сторонамъ ея, при чемъ, вслѣдствіе пересѣченности мѣстности и густыхъ кустарниковъ, порядокъ очень скоро нарушился, солдаты разбрелись и начали предаваться мародерству. Даже иностранные писатели признаютъ, что если бы въ это время ихъ войска подверглись нападенію русскихъ, то катастрофа была бы неизбѣжна [1]). Но счастіе въ эту войну было рѣшительно на сторонѣ союзниковъ; въ данномъ же случаѣ союзные вожди нашли себѣ достойнаго соперника въ лицѣ князя Меньшикова, который, принявъ случайно [2]) цѣлесообразное рѣшеніе отнести центръ тяжести операцій своей арміи изъ Севастополя на путь, приводившій его къ свободному сообщенію съ имперіею, не съумѣлъ возвыситься до истинно великаго рѣшенія: покончить съ Севастополемъ собственными нашими руками, какъ это ни было прискорбно для нашего сердца. Жертва, которую онъ принесъ бы такимъ образомъ на алтарь отечества, была бы гораздо меньше и легче, чѣмъ та, которую принесъ Кутузовъ, приведя въ исполненіе свои знаменитыя слова, произнесенныя въ Филяхъ въ 1812 году: «Съ потерею Москвы еще не потеряна Россія!» Пожертвовавъ священною столицею, сердцемъ земли русской, Кутузовъ сохранилъ армію, которая и являлась единственнымъ средствомъ для спасенія Россіи. Слѣдуя этому примѣру, Меньшикову надлежало: взорвать и вообще уничтожить въ Севастополѣ все то, что не должно было достаться врагу, вывести войска, вывезти всѣ средства сопротивленія и предоставить Корнилову привести въ исполненіе его планъ двинуться съ флотомъ въ море и атаковать союз-

---

[1]) *„Обзоръ войнъ“*, ч. III, кн. I, стр. 246.

[2]) Тамъ же, стр. 243.

ный флотъ, столпившійся у мыса Лукулла. Затѣмъ надлежало уклониться отъ боя съ превосходными силами противника, выжидать прибытія подкрѣпленій и перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ только при наличности достаточныхъ шансовъ на успѣхъ. Правда, что въ такомъ случаѣ наша военная исторія не обогатилась бы достославными страницами, посвященными геройской оборонѣ Севастополя, но за то мы сберегли бы болѣе 120,000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя въ севастопольскомъ гарнизонѣ и въ полевыхъ бояхъ при Балаклавѣ, Инкерманѣ, Евпаторіи и Черной [1]), тогда какъ союзники сберегли бы только 60,000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя подъ Севастополемъ и въ тѣхъ же бояхъ. Такимъ образомъ отношеніе между силами обѣихъ сторонъ измѣнилось бы въ нашу пользу на столько, что если бы союзники рискнули насъ атаковать, то ранѣе или позднѣе потерпѣли бы пораженіе, не взирая на отсутствіе искусства въ главной квартирѣ нашей арміи: наступать не только вглубь территоріи нашего отечества, но даже и вглубь Крыма они не могли бы, имѣя противъ себя нашу сильную армію, а оставаясь подъ Севастополемъ, они давали бы нашей арміи возможность усиливаться еще болѣе и наконецъ подавить ихъ такими силами, какихъ они сосредоточить не могли, короче сразить ихъ подавляющимъ превосходствомъ силъ.

Въ виду этихъ соображеній заключеніе г. Алабина, что князь Меньшиковъ съумѣлъ воспользоваться указанною ошибкою союзниковъ, едва-ли вѣрно; собственно же фланговый маршъ нашей арміи былъ произведенъ ночью въ одной колоннѣ, безъ боковаго авангарда и безъ отданія общей диспозиціи для движенія; распоряженія дѣлались княземъ на словахъ и передавались отдѣльно разнымъ начальникамъ; при этомъ были естественны разныя недоразумѣнія, задержки и

---

[1]) Не считая 5,710 чел., выбывшихъ изъ строя на р. Альмѣ, и 8,455 чел., умершихъ отъ болѣзней во время обороны Севастополя.

т. п. Главныя силы обѣихъ армій прошли въ 4-хъ верстахъ другъ отъ друга, а столкновеніе произошло только между хвостомъ колонны Горчакова и англійскимъ авангардомъ. Конечно, отвѣтственность за это должна пасть отчасти на кавалерію обѣихъ сторонъ, не подготовленную къ исполненію одной изъ своихъ важнѣйшихъ обязанностей, развѣдыванія въ достаточно широкихъ размѣрахъ; но главными отвѣтчиками, на памяти коихъ остается весь срамъ этой «*фигуры кадрили*», являются главнокомандующіе нашею и непріятельскими арміями.

Дѣянія князя Меньшикова поучительны, конечно, въ отрицательномъ смыслѣ: 1) для тѣхъ генераловъ, которые, будучи одержимы самомнѣніемъ, полагаютъ, что они могутъ обойтись безъ надлежащимъ образомъ организованнаго штаба, и которые любятъ прибѣгать къ словеснымъ указаніямъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда польза дѣла требуетъ отданія письменной диспозиціи, а если и отдаютъ диспозиціи, то, подъ видомъ краткости, вводятъ въ нее туманность и неопредѣленность, за которыми скрывается фантазерство, короче говоря, которые «*рисуютъ себѣ картины*» вопреки извѣстному совѣту Наполеона; 2) для тѣхъ военачальниковъ вообще, которымъ бремя командованія не по силамъ по какимъ бы то ни было причинамъ. Первые должны внимательно изучать военную исторію, вдумываясь особенно серьезно въ дѣйствія полководцевъ, подобныхъ князю Меньшикову въ указанномъ отношеніи; вторые же должны вовсе отказаться отъ командованія.

Такъ или иначе, роковая ошибка сдѣлана: въ Севастополѣ оставленъ гарнизонъ и приказаніе объ очищеніи его не отдано. Гарнизонъ этотъ былъ *слабъ числомъ*, но *крѣпокъ духовною силою*. «Большинство, говоритъ г. Алабинъ, обрекло себя на смерть, но не на сдачу. Геній Корнилова и Нахимова берегъ судьбу города. Эти два героя болѣе другихъ бодрствовали, одушевляли жителей и гарнизонъ сло-

вомъ и примѣромъ. Созвали военный совѣтъ... Корниловъ предложилъ выйти съ остальнымъ флотомъ въ море и съ огнемъ и мечомъ достигнуть Константинополя, или броситься на непріятельскій флотъ и погибнуть, увлекая съ собою на гибель сонмы враговъ». Многіе воспротивились принятію этого геройскаго предложенія. «Смертью своею, говорили герои, мы все-таки не спасемъ флота, но погубимъ флотъ и городъ; если уже суждено погибнуть нашему флоту, то, по крайней мѣрѣ, спасемъ городъ, умирая на его стѣнахъ». Предложеніе это было принято съ восторгомъ. Говорятъ, Корниловъ согласился съ нимъ и между прочимъ, воскликнулъ: «Будемъ драться до послѣдняго. Отступить намъ некуда: сзади насъ море... Запрещаю бить отбой... Если кто изъ начальниковъ прикажетъ бить отбой, заколите такого начальника, заколите барабанщика, который осмѣлится ударить позорный бой. Товарищи! если-бъ я приказалъ ударить отбой, не слушайте, и тотъ подлецъ будетъ изъ васъ, кто не убьетъ меня»! Понятно, какое впечатлѣніе должна была произвести на севастопольскихъ офицеровъ такая геройская рѣчь... Съ такимъ человѣкомъ, какъ Корниловъ, въ такомъ обществѣ, какое образовали севастопольскіе моряки, какое препятствіе могло показаться невозможнымъ? Какая смерть ужасною? Воскресли древнія времена Россіи... Геній одного пробудилъ геній другого: Тотлебенъ взялся искусствомъ помочь мужеству и несокрушимой отвагѣ севастопольцевъ. Закипѣла сверхъестественная дѣятельность. Кто имѣлъ только силы—работалъ словомъ и дѣломъ. Даже женщины принялись за работу. Перо Тотлебена едва успѣвало чертить укрѣпленія, а севастопольцы не уставали осуществлять его идеи. Орудія съ флота сотнями переходили на вновь создаваемыя батареи... Морскіе офицеры съ своими командами взялись за оборону батарей, для нихъ замѣнившихъ корабли: та-же прислуга, что и на корабляхъ, тѣ-же команды, тотъ-же порядокъ, почти тотъ-же способъ командованія и управленія,

та-же несокрушимая рѣшимость, что и на морѣ, та-же ловкость, что и на реяхъ, та-же отвага, что и въ борьбѣ съ разъяренною стихіею. И вотъ внезапно предсталъ врагамъ на сушѣ, будто по манію волшебнаго жезла, *окаменѣлый флотъ*! Бортами повернутые къ врагу, неподвижно стоятъ стопушечные земляные корабли, люки открыты, фитили горятъ, все готово. Идите, дорогіе гости»!... (стр. 28—30).

Эти превосходныя строки стоятъ цѣлыхъ фоліантовъ. Ими авторъ даетъ полное представленіе о томъ пріемѣ, который приготовили севастопольцы своимъ «дорогимъ гостямъ». Начали это дѣло доблестные моряки. Затѣмъ послѣдовательно притягивалось во вновь создаваемую твердыню все больше и больше сухопутныхъ войскъ, главнымъ образомъ пѣхоты, но съ добавленіемъ къ ней представителей разныхъ родовъ оружія и службы. Къ концу обороны подошли и ополченныя части. Съ теченіемъ времени число сухопутныхъ значительно превысило число моряковъ, но духъ и характеръ обороны не измѣнились. Это было обще-русское дѣло и никакой разницы между русскими людьми быть не могло: сухопутные вскорѣ послѣ прибытія въ Севастополь сживались съ моряками въ одно стройное органическое цѣлое, въ одну семью и дружно братски отстаивали бастіоны и укрѣпленія, ходили на вылазки и умирали смертью храбрыхъ, какъ на своихъ постахъ, такъ и на непріятельскихъ позиціяхъ.

Враги наши, перейдя на южную сторону Севастополя, не нашли въ себѣ достаточно рѣшимости для того, чтобы сразиться съ русскими въ открытую и повели осаду. На сторонѣ ихъ были преимущества въ отношеніи матеріальномъ, главнымъ же образомъ въ отношеніи командованія, калибра орудій, числа большихъ мортиръ и особенно возможности громить Севастополь сосредоточеннымъ огнемъ, нанося громадныя потери обороняющемуся, который долженъ былъ держать свои резервы на готовѣ для отраженія штурма, и терпя гораздо меньшія потери вслѣдствіе воз-

можности держать въ траншеяхъ лишь необходимое число войскъ и отводя остальныя назадъ [1]).

Чѣмъ далѣе впередъ подвигались союзники, тѣмъ труднѣе было положеніе защитниковъ Севастополя, и это обрисовано г. Алабинымъ въ высшей степени рельефно. О первомъ бомбардированіи 5-го октября онъ говоритъ сравнительно мало, такъ какъ 11-я дивизія въ то время находилась еще въ Одессѣ, а въ окрестности Севастополя прибыла въ двадцатыхъ числахъ октября, послѣ боя подъ Балаклавою 13-го того-же мѣсяца. Бой подъ Балаклавою является единственнымъ успѣшнымъ для насъ полевымъ боемъ, но всякій истинно русскій человѣкъ можетъ только желать своимъ войскамъ никогда не одерживать подобныхъ успѣховъ. Если бы князь Меньшиковъ выждалъ прибытія 10-й и 11-й дивизій, то численность его арміи дошла бы до 85,000 чел., тогда какъ союзники располагали только 70,000 чел., изъ которыхъ въ полѣ намъ могли быть противопоставлены лишь небольшія силы. Но Свѣтлѣйшій, получившій *невѣрное* свѣдѣніе о недостаткѣ у севастопольскаго гарнизона пороха [2]), приказалъ генералу Липранди, не ожидая прибытія подкрѣпленій, *отвлечь* отъ Севастополя союзниковъ хотя-бы взятіемъ Кадыкіойскихъ редутовъ. Конечно, не вина Липранди, что ему приказали произвести операцію, которую онъ признавалъ нецѣлесообразною; но, во всякомъ случаѣ, даже и съ тѣми силами, которыя были въ его распоряженіи, онъ могъ рѣшить лучше данную ему задачу и, пожалуй, даже овла-

---

[1]) Такъ при 1-мъ бомбардированіи русскіе потеряли 1,112, а союзники 348 чел. при 2-мъ русскіе 6,130, а союзники 1,850 чел. и т. д.; только при 4-мъ бомбардированіи (съ отбитіемъ штурма) русскіе 4,827, а союзники 7,000 человѣкъ.

[2]) Только у сухопутнаго вѣдомства, къ вечеру 9-го октября, было 12,951 пудъ; сверхъ того приближалось 3 транспорта съ 5,900 пуд.; изъ нихъ одинъ прибылъ 13 октября. Пороху хватило бы еще на недѣлю, до прибытія остальныхъ транспортовъ и 10-й пѣхотной дивизіи. Наконецъ порохъ можно было взять изъ флота и изъ минъ. Но въ штабѣ Меньшикова объ этомъ не знали (Алабинъ, стр. 74).

дѣть Балаклавою, принимая во вниманіе недостаточность мѣръ, принятыхъ въ то время союзниками для ея обезпеченія: для этого слѣдовало, не разбрасывая свои силы и не выпуская ихъ изъ рукъ, подавать возможно болѣе впередъ свой лѣвый флангъ и этимъ флангомъ нанести врагу рѣшительный ударъ, при чемъ и кавалерія Рыжова, дѣйствуя на этомъ флангѣ, могла-бы, вмѣсто неудачи, одержать успѣхъ; колонна Грибое должна была-бы принимать болѣе дѣятельное участіе въ бою, и вообще во всемъ боѣ должно было бы быть больше цѣльности и единства въ дѣйствіяхъ. Съ этой точки зрѣнія Балаклавскій бой освѣщенъ г. Алабинымъ недостаточно, что впрочемъ объясняется тѣмъ, что онъ въ немъ не участвовалъ. Въ стратегическомъ отношеніи бой этотъ принесъ намъ не пользу, но вредъ, ибо указалъ непріятелю слабую его сторону и заставилъ его принять самыя энергичныя мѣры съ этой стороны.

Но вотъ подошли 10-я и 11-я дивизіи; списочное состояніе арміи дошло до 87,000 чел. (не считая флотскихъ экипажей), а за вычетомъ больныхъ и раненыхъ (находившихся въ госпиталяхъ), въ ней состояло 71,000 чел., тогда какъ силы союзниковъ достигали только 63,000 чел. [1]). Перевѣсъ въ численномъ отношеніи перешелъ на нашу сторону. Къ тому же прибытіе къ арміи Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, слова, Ими сказанныя войскамъ отъ Имени Государя, произвели на войска такое впечатлѣніе, что они были готовы броситься, не задумываясь, въ самый страшный бой (стр. 84).

Нужно было только умѣть воспользоваться этими благопріятными для насъ условіями. Князь Меньшиковъ и предпринялъ наступленіе, приведшее къ Инкерманскому сраженію 24-го октября. Сраженію этому г. Алабинъ посвящаетъ стр. 85—129, при чемъ не только излагаетъ то, что ему

---

[1]) *Обзоръ войнъ*, стр. 277.

пришлось видѣть и дѣлать, но еще и дополняетъ свои интересныя сообщенія сопоставленіями отзывовъ различныхъ авторовъ, писавшихъ о томъ же, сопровождая ихъ критическими замѣчаніями, цѣнными для историка независимо даже отъ того, согласится ли онъ съ ними, или нѣтъ. Къ сожалѣнію, онъ не высказываетъ своего мнѣнія о слѣдующемъ приводимомъ имъ отзывѣ: «Замкнувшись въ кругу своего немногочисленнаго и молодаго штаба, князь Меньшиковъ поручилъ ему составить диспозицію для предстоящаго наступленія. Генералы, на которыхъ возлагалось командованіе войсками, были совершенно устранены отъ этого дѣла и не присутствовали при составленіи окончательнаго плана дѣйствій, а между тѣмъ непосредственное участіе этихъ лицъ казалось необходимымъ хотя-бы и потому, что, зная ранѣе другихъ общій планъ дѣйствій, они имѣли-бы время познакомиться съ мѣстностью... Изъ этой, отличающейся своею неопредѣленностью, диспозиціи прежде всего видно желаніе главнокомандующаго устранить себя отъ всѣхъ подробностей и предоставить всѣ распоряженія частнымъ начальникамъ, которые и должны, конечно, отвѣчать за правильность дѣйствій [1]).»

Съ этимъ отзывомъ нельзя согласиться вполнѣ. Генералы и не должны быть привлекаемы къ составленію диспозиціи, такъ какъ при этомъ произошло бы своего рода столпотвореніе вавилонское. А вотъ если-бы главнокомандующій произвелъ рекогносцировку со штабомъ и съ старшими начальниками, то это было бы весьма полезно. Вмѣшиваться въ детали главнокомандующій опять таки не долженъ, ибо это дѣло частныхъ начальниковъ, которые почти всегда и выполнятъ свои частныя задачи достаточно хорошо, если только эти задачи поставлены имъ правильно, цѣлесообразно и ясно. Но Меньшиковъ самъ не имѣлъ яснаго представленія о томъ,

---

[1]) Стр. 86 изъ «*Обзора*» генерала *Дубровина*.

что надлежало сдѣлать, а при такихъ условіяхъ *самый многочисленный и старый штабъ при участіи хотя-бы всѣхъ генераловъ арміи* не могъ бы помочь бѣдѣ, ибо неясно сознаваемыя идеи не могутъ быть облечены въ ясную форму (понимая въ томъ смыслѣ, какой необходимъ для успѣха въ бою). Этому капитальному условію ясности диспозиція не удовлетворяла, а требовать отъ войскъ, чтобы они исправляли грубыя ошибки начальника, нельзя: достаточно, если они будутъ въ состояніи продолжать начатое дѣло въ указанномъ имъ направленіи. Правда, наши войска съ ихъ частными начальниками въ бояхъ того времени обнаруживали неправильность своей личной подготовки, но если-бы свыше дѣло было сдѣлано иначе, то и исходъ Инкерманскаго сраженія былъ бы иной. Наконецъ, не демонстраціями Чоргунскаго отряда можно было отвлечь обсерваціонный корпусъ отъ поданія помощи англичанамъ, а рѣшительнымъ наступленіемъ этого отряда къ Балаклавѣ, овладѣніемъ этимъ пунктомъ и уничтоженіемъ запасовъ англійской арміи.

Слѣдующимъ послѣ Меньшикова виновникомъ неудачи былъ, конечно, *Даненбергъ*; не отрицая его вины, авторъ записокъ полагаетъ, что на него валили ужъ слишкомъ много грязи [1]). Нельзя также не согласиться съ г. Алабинымъ въ томъ, что обвиненія въ измѣнѣ какъ противъ Меньшикова, называемаго *Измѣнщиковымъ*, такъ и противъ Даненберга, неосновательны. Мало того, они просто безсмысленны. Измѣны тутъ не было никакой; дѣло же объясняется весьма просто словами Горчакова въ письмѣ Меньшикову:

«*Danenberg ne fera que de l'eau claire. Ses moyens ne sont pas tels, qu'on puisse lui confier un commandement*

1) Не только за Инкерманскій погромъ, но еще болѣе за крайне странныя мѣропріятія во время бури 2-го ноября, угрожавшей непріятельскому флоту гибелью, которую и слѣдовало довершить. Для этого и были посланы къ устью Качи войска, но Даненбергъ приказалъ имъ, кромѣ одной роты и казаковъ, идти обратно, объявивъ, что разбиваемыя бурею суда купеческія и что было бы безчеловѣчно открыть противъ нихъ огонь... (Стр. 147).

detaché» (стр. 149). Можно къ этому прибавить, что и «*les moyens*» князя Меньшикова также были далеки отъ желаемой высоты.

Со второй половины ноября части 11-й дивизіи начали вступать въ составъ севастопольскаго гарнизона, но при этомъ велись интриги противъ начальника этой дивизіи, генерала Павлова, чтобы не дать ему командованія въ Севастополѣ. Меньшиковъ въ письмѣ М. Д. Горчакову отъ 27 ноября, жалуясь на недостатокъ въ арміи способныхъ генераловъ, пишетъ: «Павловъ, о которомъ отзывались, какъ о храбрецѣ, исполнился такой паники, что я, въ предупрежденіе перехода ея на другихъ, долженъ былъ удалить его изъ Севастополя». Г. Алабинъ совершенно справедливо опровергаетъ эту инсинуацію. На сколько она противна истинѣ, можно видѣть изъ послѣдующей исторіи обороны Севастополя, а лучше всего это доказывается милостивыми словами Государя Императора Александра II, обращенными къ 11-й дивизіи и къ самому генералу Павлову послѣ смотра 30-го октября 1855 года подъ Севастополемъ: «*Благодарю ребята за службу, благодарю; именемъ покойнаго Государя, именемъ Отца Моего и вашего—благодарю васъ... Я счастливъ, что имѣю возможность лично благодарить васъ за вашу геройскую службу; давно это было моимъ желаніемъ*». Протянувъ руку генералу Павлову, Его Величество изволилъ сказать: «*Благодарю тебя за третій бастіонъ, благодарю, ты славно отдѣлалъ англичанъ* (стр. 585—587). Даннебергъ былъ замѣщенъ барономъ Д. Е. Остенъ-Сакеномъ. Г. Алабинъ приводитъ слова генерала Хрущева по поводу этого замѣщенія: «Мы радовались назначенію Сакена, полагая найти въ немъ умнаго, храбраго и самостоятельнаго начальника, но онъ не оправдалъ ожиданій арміи, хотя всегда добросовѣстно исполнялъ свой долгъ» (стр. 166—167). Едва ли нужно прибавлять къ этому что-либо. На этотъ разъ Меньшиковъ былъ отчасти правъ, благодаря въ письмѣ

Горчакова за подкрѣпленіе его угасающихъ силъ «*Ерофѣичемъ*», въ которомъ однако «*трава плохо подобрана*» (стр. 171).

29-го октября, въ аулѣ Бельбекѣ, авторъ записокъ, между прочимъ, говоритъ: «По вечерамъ, когда смеркнется, часто играемъ въ карты или у насъ, или у артиллеристовъ, на горѣ, гдѣ встрѣчаемъ графа Льва Толстаго, получившаго извѣстность литератора и *страстнаго картежника*, онъ служитъ въ нашей артиллерійской бригадѣ» (стр. 138). Пожалуй, въ то время знаменитый писатель былъ еще весьма далекъ отъ идей, проводимыхъ имъ въ его извѣстныхъ поученіяхъ, въ особенности послѣднихъ?

«*Генералъ Декабрь*» и «*маршалъ Январь*», названные такъ Императоромъ Николаемъ, поставили непривычныхъ къ морозамъ враговъ нашихъ въ крайне затруднительное положеніе; но мы этимъ не воспользовались, а съ окончаніемъ зимы союзники оправились и снова обратились къ дѣятельному продолженію осады.

Въ февралѣ г. Алабинъ отмѣчаетъ, между прочимъ, увольненіе отъ командованія арміею князя *Меньшикова* и назначеніе на его мѣсто князя *А. Д. Горчакова* (стр. 264), а о послѣднемъ отзывается весьма сочувственно: «Въ князя Горчакова вѣруютъ, его любятъ, на него надѣются: онъ умѣлъ привязать къ себѣ солдатъ» (стр. 318—319). Безъ сомнѣнія, личнымъ примѣромъ доблестнаго исполненія служебнаго долга и теплымъ, отеческимъ отношеніемъ къ войскамъ, князь Горчаковъ добился того, что войска были готовы идти за нимъ, куда угодно; онъ обладалъ многими прекрасными качествами и, конечно, былъ предпочтительнѣе князя Меньшикова, но ему недоставало твердой и несокрушимой воли, желѣзной энергіи и надлежащей рѣшительности, безъ чего нельзя быть полководцемъ. Поэтому и онъ не могъ поправить дѣло, уже испорченное его предмѣстникомъ.

Какъ громомъ, войска были поражены извѣстіемъ о кон-

чинѣ *Императора Николая I*: при чтеніи манифеста солдаты, офицеры, генералы всѣ плакали. «Вотъ, говоритъ г. Алабинъ, наша дань покойному великому Государю и великому человѣку. Вотъ новому Государю—залогъ нашей вѣрности—дѣтской любви и ничѣмъ неизмѣримой преданности» (стр. 272).

7 марта не стало *Истомина*. Изъ знаменитыхъ адмираловъ остался одинъ *Нахимовъ*, который, заглянувъ въ склепъ, куда поставили Истомина и гдѣ уже стояли *Лазаревъ* и *Корниловъ* (погибшій еще до прибытія 11-й дивизіи), сказалъ: «Есть еще мѣсто для одного» (стр. 283).

Съ 28-го марта по 6-е апрѣля союзники производили 2-е бомбардированіе, результаты котораго однако не отвѣчали ихъ разсчетамъ.

27-го апрѣля къ союзникамъ прибыло подкрѣпленіе въ видѣ 15,000 сардинскихъ войскъ [1]), а 11 мая севастопольцы узнали о назначеніи у французовъ, вмѣсто генерала *Канробера*, новаго главнокомандующаго, энергичнаго генерала *Пелисье*, который и оказался способнымъ довести до конца севастопольскую бойню, хотя при этомъ союзникамъ и не мѣшало бы вспомнить русскую поговорку: «Хоть рожа въ крови, но наша взяла!» 25-го мая союзники произвели 3-е бомбардированіе, а затѣмъ овладѣли Камчатскимъ люнетомъ и Киленъ-балочными укрѣпленіями. Это убѣдило ихъ въ своевременности штурма на Малаховъ курганъ, для подготовки котораго было произведено 4-е бомбардированіе, а 6-го іюня 30,000 французовъ и 11,000 англичанъ бросились на штурмъ Корниловскаго и 3-го бастіоновъ, но были отбиты, потерявъ 7,000 чел., тогда какъ мы потеряли всего 4,877 человѣкъ.

Полны интереса записки вообще, а весь ходъ обороны и бомбардированія, вылазки и особенно отраженіе штурмовъ

---

[1]) По поводу этой неприличной выходки крошечной Сардиніи русскіе могли только вспомнить слова Крылова: «Ай да Моська! Знать она сильна, коль лаетъ на Слона!»

читатель переживаетъ вмѣстѣ съ авторомъ. «Извѣдалъ врагъ въ тѣ дни немало, что значитъ русскій бой удалый, нашъ рукопашный бой!» Пространство, прилежащее къ оборонительной линіи и нѣкоторые пункты самой этой линіи были буквально покрыты непріятельскими тѣлами. «Зацвѣло поле», говорили солдаты, самодовольно улыбаясь и поглядывая на цвѣтные мундиры разноплеменныхъ враговъ, валявшихся повсюду. Но такова натура русскаго человѣка: въ самодовольномъ взорѣ утѣшеннаго успѣхомъ солдата, вы видите, блещетъ уже не гордость побѣдителя, а благородное состраданіе къ побѣжденному (стр. 404).

Сила обороны въ это время лучше всего характеризуется двумя отвѣтами *Хрулева* одному изъ полковыхъ командировъ, спросившему сначала, что ему дѣлать въ случаѣ невозможности удержаться на занимаемомъ пунктѣ и куда отступить, а затѣмъ, гдѣ его резервы и кто обязанъ подкрѣпить его въ случаѣ крайности. Хрулевъ отвѣтилъ лаконически на первый вопросъ: «*Отступленія нѣтъ*», а на второй: «*у насъ въ резервѣ—Россія*» (стр. 407—408).

Послѣ отбитія штурма канонада ослабѣла. Солдаты говорили: «Небось присмирѣлъ французъ, сбили видно спѣсь-отъ! почаще бы его такъ угощать!» Въ этихъ словахъ «малыхъ сихъ» скрывалась истина: разумное сочетаніе наступленія съ обороною могло дать успѣхъ. Это, быть можетъ, понимали многіе, но не было головы и сердца, которые могли бы это исполнить.

25-го и 27-го іюня севастопольцы слушали поученія вдохновеннаго архіепископа Иннокентія, напутствовавшаго ихъ на новые подвиги. Поученія свои онъ закончилъ словами Св. Павла: «*Аще живемъ, Господеви живемъ; аще же умираемъ, Господеви умираемъ; аще убо умираемъ, Господни есмы* (Римл. XIV, 8), Аминь!» По истинѣ можно сказать, что слова эти пали на самую благодатную почву.

28-го іюня палъ *Нахимовъ*. «Уныло звонитъ колоколъ

единственной Севастопольской церкви; ему жалобно вторитъ колоколъ Корабельной стороны: эти печальные звуки, сливаясь въ одинъ общій потрясающій звукъ, съ рѣдкими выстрѣлами орудій, несутся по бухтѣ, будто стоны Севастополя надъ свѣжимъ прахомъ своего славнаго вождя, стремятся на ту сторону бухты, чтобы пронестись по обширному пространству нашего отечества, вездѣ вызывая сердечныя слезы, вездѣ потрясая души горемъ и печалью» (стр. 440—441)... «Сію минуту воротился съ церемоніи истинно печальной—съ похоронъ Нахимова. Да, нѣсколько минутъ, какъ мы похоронили—*славу Черноморскаго флота*» (стр. 441)...

Къ началу августа непріятель сильно приблизился къ Малахову кургану, *разстрѣливая*, по словамъ г. Алабина, Корабельную и доки, а особенно пункты, гдѣ имѣлись склады, и нанося намъ громадныя потери. Главнокомандующій созвалъ военный совѣтъ, на которомъ восторжествовало мнѣніе о необходимости выйти изъ пассивнаго положенія и, выждавъ прибытія 4-й и 5-й пѣхотныхъ и 7-й резервной дивизій, атаковать непріятеля со стороны р. Черной. Противъ этого рѣшенія, по словамъ Хрущева, высказалось большинство, въ томъ числѣ Хрулевъ, настаивавшій на немедленномъ очищеніи южной стороны Севастополя. Показанію Хрущева противорѣчитъ генералъ Богдановичъ. Однако въ данномъ случаѣ не столь важно, въ какомъ смыслѣ высказывалось большинство, склоняющееся обыкновенно въ пользу мнѣнія начальства или особенно вліятельнаго лица; важно то, что противъ указаннаго рѣшенія высказывались люди, стоявшіе непосредственно у дѣла: Остенъ-Сакенъ, Хрулевъ и не присутствовавшій на совѣтѣ Тотлебенъ. Къ сожалѣнію, князь Горчаковъ, вслѣдствіе слабости своего характера, подъ вліяніемъ постороннихъ лицъ [1]), принялъ указанное мнѣніе, которому и самъ не сочувствовалъ, что и привело къ злополучному для насъ

---

[1]) Г. Алабинъ говоритъ главнымъ образомъ о баронѣ Вревскомъ.

сраженію на р. Черной 4-го августа. Сраженіе это было дано безъ опредѣленной цѣли, такъ какъ Горчаковъ, находясь подъ давленіемъ требованій, противъ которыхъ онъ не возражалъ вслѣдствіе недостатка необходимаго въ подобномъ случаѣ гражданскаго мужества, велъ войска въ бой, не составивъ себѣ плана и не уяснивъ себѣ конечной его цѣли; неточность и неясность въ отдаваемыхъ приказаніяхъ повели за собою нарушеніе Реадомъ диспозиціи; атаки велись разрозненно, при полномъ почти отсутствіи артиллерійской подготовки; наконецъ, союзникамъ было извѣстно, что мы поведемъ эту атаку. Мы потеряли до 8,000 чел., которые пригодились бы при развязкѣ севастопольской трагедіи, а что хуже всего, неудача на р. Черной произвела вредное вліяніе на духовныя силы нашихъ войскъ.

Теперь уже было трудно и, пожалуй, даже невозможно отбросить непріятеля отъ Севастополя. Съ 5-го по 8-е союзники произвели 5-е, а съ 24-го по 26-е августа 6-е бомбардированіе; 27-го же августа «*пришелъ часъ Севастополя*» (стр. 532). Дорого достался врагамъ ихъ успѣхъ: англичане снова разбились при атакѣ 3-го бастіона (стр. 535—542), но французы, хотя и съ большими потерями, стали твердою ногою на Малаховомъ курганѣ (стр. 545). Хрулевъ, являвшійся «*душою защиты и знаменемъ севастопольцевъ*», былъ раненъ хотя и легко, но, какъ говорятъ, онъ былъ нервенъ до такой степени, что не могъ вынести никакой раны. Если бы сила его духа взяла верхъ надъ физическою его стороною и вообще если бы онъ оставался на своемъ посту, то весьма возможно, что и этотъ штурмъ былъ бы отбитъ (стр. 553 и 569—570).

Г. Алабинъ если не обвиняетъ, то по крайней мѣрѣ не снимаетъ съ Тотлебена обвиненія въ устройствѣ *горжъ*, которыя являлись для непріятеля готовыми позиціями въ случаѣ взятія нашихъ верковъ. 19-го октября 1855 года онъ говоритъ: «Не можетъ быть, чтобы не былъ извѣстенъ Тот-

лебену голосъ общественнаго мнѣнія послѣдняго времени, гласившій, что подъ горжей Малахова кургана, которую его убѣждали не дѣлать, онъ похоронилъ свою славу! А между тѣмъ въ немъ и послѣ этого не прошла страсть къ горжамъ: и въ настоящее время, укрѣпивъ Сѣверную, онъ построилъ по берегу бухты цѣпь редутовъ, замкнутыхъ горжами»... Мы готовы согласиться съ сущностью этого упрека, тѣмъ болѣе что, на основаніи личнаго знакомства съ дѣятельностью генерала Тотлебена подъ Плевною, считаемъ возможнымъ вывести заключеніе, что, не взирая на свою выдающуюся талантливость, онъ не могъ освободиться отъ тѣхъ оковъ, которыя были на него наложены недостаточно многостороннимъ направленіемъ его ума и особенно односторонностью его спеціальности.

Войска наши, не взирая на успѣхъ французовъ на Малаховомъ курганѣ, готовы были испить чашу до дна, но князь Горчаковъ, лично осмотрѣвъ наше расположеніе, принялъ рѣшеніе, которое ему предлагали на совѣтѣ 28-го іюля: очистить южную сторону. «Какъ мрачно стало на душѣ, какъ тяжко стало на сердцѣ защитникамъ Севастополя! На князя не роптали, нѣтъ! Его высокую душу знали всѣ; всѣ вѣровали въ него, всѣ знали, что онъ болѣе всѣхъ насъ любитъ святую Русь, и что онъ не сдѣлаетъ ничего, несогласнаго съ ея честью. Всѣ видѣли необходимость оставить южную сторону, на которой рано или поздно истолчетъ всѣхъ насъ роковой *пестъ*... Но все таки всѣ съ горестью приняли вѣсть объ отступленіи» (стр. 557).

27-го же августа, въ 10 часовъ пополудни князь донесъ Государю Императору: «Войска Вашего Императорскаго Величества защищали Севастополь до крайности, но болѣе держаться въ немъ за адскимъ огнемъ, коему городъ подверженъ, было не возможно. Войска переходятъ на сѣверную сторону, отбивъ окончательно 27-го августа шесть приступовъ изъ числа семи, поведенныхъ непріятелемъ на Западную

и Корабельную стороны; только изъ одного Корнилова бастіона не было возможности его выбить. Враги найдутъ въ Севастополѣ однѣ окровавленныя развалины» (стр. 561—562). Сдержалъ ли слово русскій вождь, видно хотя бы изъ донесенія генерала Ламармора сардинскому королю, гдѣ, между прочимъ, сказано: «Ночью русскіе отступили, предавъ городъ пламени, взорвавъ укрѣпленія, зданія и потопивъ свои послѣдніе корабли» (стр. 562).

Описаніе этого разрушенія своего очага своими же руками весьма картинно и даетъ полное о немъ понятіе: можно согласиться съ г. Алабинымъ, когда онъ сравниваетъ послѣдній день Севастополя съ послѣднимъ днемъ Помпеи (стр. 563).

Принимая во вниманіе настроеніе севастопольцевъ, обрисовывающееся хотя бы изъ записокъ г. Алабина, нельзя не поставить вопроса: что произошло бы, если бы князь Горчаковъ, не атакуя союзниковъ на р. Черной 4-го августа, держалъ на готовѣ тѣ силы, которыя могли быть свободными, и атаковалъ непріятеля въ томъ или другомъ направленіи въ то время, когда онъ велъ бы свой штурмъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что результаты были бы лучше, чѣмъ въ дѣйствительности. Такъ или иначе, князь Горчаковъ ввелъ наконецъ, хотя и поздно, поправку въ дѣло, до крайности испорченное гораздо ранѣе его прибытія къ арміи. Съ этихъ поръ врагамъ нашимъ стала ясна вся безсмысленность веденной ими войны: вѣрнѣе, они понимали ее и ранѣе; но «честь ихъ» треб вала взятія Севастополя; англичане были довольны уничтоженіемъ нашего Черноморскаго флота и его твердыни, а слѣдовательно, по ихъ разумѣнію, и кореннымъ уничтоженіемъ могущества Россіи на Черномъ морѣ; французы, вытаскивавшіе каштаны для англичанъ, были рады случаю окончить дорого стоившее имъ кровопролитіе; турокъ и сардинцевъ никто не спрашивалъ. Въ общемъ союзники уразумѣли, что наступать хотя бы вглубь Крыма они не могутъ.

Россія принесла уже громадныя жертвы и людьми, и средствами для веденія борьбы, но была готова продолжать эту борьбу. Однако Государь Императоръ, лично посѣтивъ южныя области своей Имперіи и театръ военныхъ дѣйствій, видя всѣ бѣдствія, вызванныя этою продолжительною войною, и не желая болѣе проливать дорогую Ему кровь Его вѣрноподданныхъ, хотя и убѣдился въ готовности ихъ лечь костьми за Него и за Россію, но явилъ рѣдкій примѣръ кротости и истинныхъ христіанскихъ чувствъ и склонился на мирныя предложенія, хотя и нѣсколько чувствительныя для нашей народной гордости, но не особенно чувствительныя для такого громаднаго и могучаго организма, какъ Россія.

4-го марта въ 11-й дивизіи было уже извѣстно о заключеніи перемирія, а 21-го марта о заключеніи Парижскаго трактата. Г. Алабинъ даетъ опять таки прекрасное понятіе о постепенномъ переходѣ отъ боевой обстановки къ мирной, заканчивая свои записки выступленіемъ полковъ дивизіи въ Россію (стр. 655) и воспоминаніями о совершенномъ тогда же путешествіи по южному берегу Крыма (до стр. 692).

При запискахъ имѣются весьма интересныя приложенія (стр. 693—788), изъ коихъ I, III, IV и IX посвящены памяти подпоручика Охотскаго полка *Н. И. Васича*, командира Камчатскаго полка, героя изъ героевъ, *И. П. Голева*, артиллерійскаго подпоручика *В. В. Безобразова* и волонтера, а затѣмъ унтеръ-офицера Охотскаго полка Василія *Чумаченко*. Въ V приложеніи заключаются: а) выдержка изъ *дневника* поручика *Маевскаго*, бывшаго въ плѣну въ Константинополѣ, и б) статья «*Русскіе раненые въ Алминскомъ сраженіи у англичанъ*» (переводъ главы XIV извѣстнаго сочиненія *Кинглека* («The invasion of the Crimea»). Сопоставляя ее съ тѣмъ, что сказано въ разныхъ мѣстахъ записокъ г. Алабина, не трудно вывести заключеніе, что враги наши, считавшіе насъ варварами, сами были болѣе насъ достойны этого названія. Въ X приложеніи помѣщена замѣтка:

«Какія знамена взяты у насъ французами въ Крымскую кампанію».

Относительно этой замѣтки нельзя не согласиться съ г. Алабинымъ, который опровергаетъ заявленіе газеты «*Constitutionnel*» (1864 г. № 23) о томъ, что число знаменъ, хранившихся въ Домѣ Инвалидовъ, увеличилось благодаря Крымской кампаніи. Конечно, это неправда, ибо наши войска, во время этой кампаніи, ни одного знамени не потеряли.

Вообще, читая съ возрастающимъ все болѣе и болѣе интересомъ записки г. Алабина, всякъ, въ комъ бьется истинно русское сердце, ощущаетъ ревностное желаніе бить безотлагательно враговъ Россіи. Но, со временъ Крымской кампаніи, обстановка сильно измѣнилась: настало время перемѣнить наши отношенія къ туркамъ, не говоря уже о французахъ, которые и тогда дрались съ нами по недоразумѣнію (для Франціи, но не для Наполеона III). Русскій человѣкъ добръ и старыхъ обидъ не помнитъ, но если еще доведется ему сводить счеты съ какими-либо западно-европейцами, то, быть можетъ, и настанетъ время, когда по словамъ поэта «Святая Русь... должникамъ долги свои заплатитъ» (Алабинъ, стр. 651)!

Да простятъ намъ читатели это дополненіе къ мыслямъ г. Алабина, книгу котораго мы усердно рекомендуемъ ихъ вниманію, съ своей же стороны не можемъ не выразить удовольствія по поводу выхода въ свѣтъ этой книги и съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода слѣдующей, которая будетъ посвящена войнѣ 1877—78 годовъ.

П. А. Гейсманъ.

Инв. 19713

26042

V